

Бражники

18+

Петров Борис

Борис Петров

Бражники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69664840

SelfPub; 2023

Аннотация

Утром в парке находят голову женщины. На свою беду следователь Бабочников начинает расследование.

Борис Петров

Бражники

Утренний парк ласково шелестел сочной листвой, в ку­стах копошились маленькие птички, выскакивая под яркие лучи солнца, а в небе было ни облачка, ни намека на дождь. Парк ждал в гости детей и выхода в свет из погребов семей алкашей, обычно после десяти утра занимавших вахту на оживленных аллеях, культурно отдыхая с чекушкой и бан­кой шпрот. Но сейчас было слишком рано, вдали на спорт­площадке слышался собачий лай, редко проезжала по дороге машина, и все вновь стихало, птицы щебетали, листва шеле­стела.

По узкой дорожке бежал молодежавый мужчина. Он был одет в фирменные шорты и футболку, а на ногах отличные кроссовки, стоившие не одну тысячу долларов. Мужчина бе­жал ровно, следя за дыханием, не обращая внимания ни на что, кроме движения, себя в этом движении. Казалось, что он совсем не устал, дыхание было ровное, ноги легко несли его по аллее, и лишь маленькие капли пота на висках под­сказывали, что он бежит довольно долго. Маршрут был каж­дый день один и тот же, и аллея выводила его к главной до­роге, где был припаркован автомобиль. Пробегая мимо лав­ки, мужчина сверился с фитнес-браслетом: пульс в норме, уровень кислорода тоже, и, довольный собой, решил приба-

вить. Он не заметил, как вляпался в почерневшую лужу чего-то липкого, запачкав белые кроссовки. Выругавшись, он как мог стряхнул с кроссовок липкую грязь, но не стал трогать руками, лицо исказила уродливая брезгливость, он вот-вот бы вырвал или упал в обморок от омерзения.

Добежав до машины, он еще раз попробовал очистить кроссовки от липкой дряни, уже казавшейся темно-бордовой. Долго тер щеткой, но это лишь сильнее размазывало грязь по дорогим кроссовкам. Он сел в машину и уехал, неприятно взвизгивая тормозами при развороте.

Через десять минут он был на въезде в коттеджный поселок, расположенный на самой границе с новым районом города. Автоматические ворота считали его метку и открылись. Он припарковался у третьего таунхауса, такого же, как и другие, с идеальной лужайкой, типовым двухэтажным домом с открытой террасой на крыше.

– Нет, ну ты представляешь, какая-то сволочь разлила говно на дороге, и я в него угодил! – возмущенно крикнул мужчина, входя в дом. С кухни на него смотрела высокая брюнетка с туго зачесанными назад тонкими волосами. На вид она была сильнее его, длинные жилистые руки, скорее мужские, чем женские, но главное взгляд серых глаз, бесстрастный, презрительный. – Свет, ну ты представляешь?

– Нет, – коротко ответила она и ушла на кухню.

Она встала к плите и продолжила жарить оладьи, иногда поглядывая на экран телевизора, по которому прыгали раз-

ноцветные графики. Она сделала звук громче, желая заглушить фыркание, доносившееся из ванной.

Мужчина вошел на кухню, кроссовки он оставил в прихожей, и теперь щеголял голый по пояс, любуясь своим отражением в стеклянных фасадах кухни. Женщина у плиты нехорошо усмехнулась и посмотрела на себя. Когда-то она была красива, высокая, тонкая, с чарующим взглядом серых глаз, улыбкой, которую надо было еще заслужить. Муж сохранился гораздо лучше нее, все еще молодой на вид, если бы не седина, которая совсем его не портила, прибавляя шарма, поэтому он и не красился. Молоденькие ординаторки легко велись на его улыбки, незатейливые ухаживания. Сколько у него их уже было? Она сбилась со счета, он и бегать начал ради них, чтобы быть в тренде, оставаться молодым.

– Опять ты оладьи жарить! Ты же знаешь, что мне нельзя набирать вес! – вскрикнул он и полез в холодильник. Запихав в блендер немного фруктов, залив все йогуртом, он сделал себе смузи, бросив напоследок пару черных ягод, и с демонстративным видом стал пить, показывая, как ему вкусно.

– Не хочешь, не ешь, – пожала плечами женщина, выкладывая последнюю партию оладий на блюдо. Она села за стол и положила себе полную тарелку, густо намазав их сметаной.

– Вот я сдохну на марафоне, и ты будешь виновата! – истерично вскрикнул он и сел за стол, прямо с блюда хватая еще горячие оладьи, запивая их смузи.

– Не сдохнешь, до финиша донесут. Алиночка же тоже бе-

жит, да? – бесцветным голосом спросила женщина, не смотря на него, казалось, что ее больше интересовали сводки с торгов за океаном.

– Опять ты начала! – закричал он. – Я же тебе сказал, что это было пару раз и все кончено!

– Не ври, я не хочу тебя слушать, – спокойно сказала она, прибавляя звук на телевизоре.

– Чего завелся, если все кончено?

Мужчина схватил две оладьи и вышел из кухни. Зашумела вода в душе,

Женщина дослушала новости, убрала посуду в посудомойку и ушла в свою комнату. Она вышла через пять минут одетая в деловой брючный костюм с минимумом макияжа, выделены были глаза, тонкие губы она не трогала.

– А ты меня не будешь ждать? – возмутился ее муж, выходя из ванной в одном полотенце, она даже не взглянула на него.

– Нет, у меня скоро операция, а ты собираешься по часу, – быстро ответила она и вышла.

– Чарли! Чарли! Ты куда побежал, негодник! – весело кричала полная девушка, красная, запыхавшаяся от бега за своим лабрадором, скрывшимся от нее в зарослях кустарника. Они гуляли уже два часа, и собака никак не хотела возвращаться домой. – Чарли, ну иди сюда! Пошли домой, я хочу есть! Мне на работу скоро! Ну, Чарли!

Девушка топнула ножкой, но идти в заросли кустарника ей не хотелось. Она устало села на лавку, посторонившись от странного черного пятна, уже засохшего на теплом солнце. Собака глухо лаяла в кустах, начиная протяжно выть.

– Чарли, ну что ты там нашел? Опять норку крота? – возмутилась девушка, не глядя на кусты, она сидела к ним спиной. – Давай иди сюда и неси это мне. Вечно ты всякую дрянь находишь!

Кусты зашевелились, и к хозяйке с глухим рычанием выбежал большой лабрадор, лапы были перепачканы в земле и чем-то липком черно-бордовом, а в зубах пес держал за коосу голову женщины. Лицо, обезображенное мукой, состарилось на три десятка лет, и скорее напоминало спящую медузу горгону, и если бы голова вдруг открыла бы глаза, то в миг все вокруг окаменело. Девушка не сразу поняла, что бросил пес к ее ногам, а когда дошло, вскочила на лавку и истошно заорала. Пес верно понял тревогу и страх хозяйки и завыл еще громче.

Следователь Бабочкин шел по коридору, намереваясь быстро проскользнуть мимо кабинета полковника и уйти на обед, а там может и с концами. День был прекрасный, вечером он договорился с Лизой погулять, а может и заманить ее к себе на ночь. Раздумывая об этой недотроге, не дававшейся вот уже вторую неделю, он не сразу услышал окрик полковника.

– Бабочников! Ты что, оглох?! Зайди ко мне! – полковник стоял в дверях кабинета и тряс огромным кулаком.

«Все, пропал день», – подумал Бабочников и выстроил на лице покорную серьезность и сосредоточенность.

Полковник побагровел и за шиворот втопил Бабочникова в кабинет, громко хлопнув дверью. Рухнув на кресло всей 120-килограммовой тушей, полковник стал терзать на столе серые папки, бесцельно бросая их в ящики, доставая новые, выстраивая пирамиды на своем столе. Все знали, что это прелюдия перед жестким соитием, и Бабочников готовился, как жертва домашнего насилия, убеждая себя, что это надо просто пережить в очередной раз и забыть.

– Сколько у тебя дел?! – заорал полковник, бешено вращая выкатившимися из орбит глазами.

– Двенадцать, три передаю в суд, – четко отрапортовал следователь, вытянувшись по струнке перед диким ликом начальства.

– Всего три?! – истерично взвизгнул полковник и ударил по столу кулачищами, папки посыпались на пол, и Бабочников стал собирать их.

– Сейчас начнется, – подумал он, положив последнюю папку на стол. Рука полковника схватила его за шею и с силой уткнула лицом в папки, потом еще раз и еще. Собственно папки для этого и были на столе, чтобы подчиненному не ломать носа. В голове зашумело от желания ударить в ответ, но следователь сдерживался, хватаясь за уже видимые

перспективы роста. Таков был порядок, и те, кто безропотно следовали ему, достигали неплохих результатов, полковник был щедр на рекомендации.

– Так вот, урод тупой! – заорал ему в лицо полковник, отбросил от стола и швырнул в него ориентировкой. Следователь поднял ее с пола и выжидающе посмотрел на полковника. – Сейчас полдень, ты просрал все время. Можешь сразу ехать в морг на экспертизу, но чтобы к концу следующей недели у меня уже сидел подозреваемый, можешь хоть букет собрать, мне плевать! Но чтобы сидели, понял?! Сверху интересуются – надо в кратчайшие сроки, понял?!

– Так точно, господин полковник! – отрапортовал Бабочников.

– Так точно, – передразнил его полковник и послал на три буквы, что означало: «В добрый путь!».

Через час следователь был в парке, ехать в морг было рано, судмедэксперт ждал его вечером с предварительным отчетом. Место преступления или нет, правильнее сказать, место обнаружения останков жертвы было огорожено желтыми и красными лентами, через которые отказывались забегать даже неугомонные собаки, сторонясь хмурых полицейских. Еще работали эксперты, собирая грунт, прохаживаясь взад и вперед в поисках чего-нибудь.

Старший коротко рассказал Бабочникову, что жертва определенно погибла не здесь, а убийца или убийцы, ему казалось, что это должны были сделать несколько человек,

принесли сюда голову и разлили на асфальте кровь, уже свернувшуюся. На фотографиях ничего не было: трава, кусты, деревья, влажная после ночного дождя земля, на которой не было никаких отпечатков, а в луже засохшей крови у скамейки были четкие отпечатки кроссовок.

Больше здесь делать было нечего, получалось, что есть голова и часть крови, анализ, скорее всего, подтвердит, что это кровь жертвы. Бабочкиков пошел вперед, куда вели постепенно исчезающие следы кроссовок. Это был бегун, касание ступни легкое, на носок. Парк кончился, и следователь вышел на широкую улицу, на другой стороне которой был продуктовый магазин, а, значит, камеры. Пока он переходил дорогу, ему пришли по мессенджеру несколько видео от оперативников. На одном из них полная девушка стояла на скамейке и истошно орала, а рядом с ней выла большая белая собака. Бабочкикова удивило лицо девушки, перекошенное от страха, но глаза смеялись, блестели от удовольствия. Надо было внимательнее посмотреть это видео на большом экране и поговорить с этой девушкой.

Он вошел в магазин, управляющий некоторое время мялся, но разрешил посмотреть записи с камер. Они отмотали до раннего утра, вот появился бегун из парка и сел в свою машину. Было видно, что он трет щеткой кроссовки. Запись была качественная, и, когда машина развернулась, камера зацепила ее номер. Уже что-то, возможный свидетель, а может быть... не стоит загадывать, но и свидетель может

немного посидеть в СИЗО, так всем будет спокойнее, результат же есть.

Бабочников вернулся в контору и просидел там до вечера, пока ему не позвонил судмедэксперт. Кое-как по пробкам добравшись до морга, следователь бесстрастно разглядывал отрезанную голову девушки. Теперь было понятно, что это была девушка, по фотографии головы определили ее имя, точнее подтвердит генетический тест. Алина Свиридова, двадцать семь лет, студентка медвуза, точнее уже ординатор. Бабочников смотрел в мертвое лицо, открытые, полные ужаса глаза, зафиксированные скотчем. Убийца хотел, чтобы жертва все видела. Ровный срез, эксперт показал ему хирургическую пилу, которой, предположительно, отрезали голову. Все было сделано профессионально. Так работают хирурги или патологоанатомы, в любом случае, у простого человека рука бы дрогнула, срез был бы кривой.

Жертва работала в новой больнице, как раз в том же районе, где находился парк, в котором ее нашли. Бабочников сел за стол, бегло ознакомившись с предварительным отчетом, достал планшет и вновь включил видео с полной девушкой, нашедшей голову. Эксперт с интересом смотрел на девушку, молодая, с приятной полнотой.

– Она не боится, – заметил эксперт.

– И я так думаю, – следователь постучал пальцами по столу. – А ведь она работает с жертвой в одной больнице. Оля Попова, ординатор хирургического отделения. Как думаете,

девушка могла бы так ловко отпилить голову?

– Если пила новая, не вижу никаких проблем, – пожал плечами эксперт. – Сложно сказать, кто это сделал конкретно, но судя по характеру среза, жертву пилили на смотровом столе. Может, и на таком же, как у нас.

Бабочкиков хмуро посмотрел на стол, представляя, как это все могло быть, от этих мыслей становилось нехорошо. Распрощавшись с экспертом, он поехал домой.

Просидев до полуночи, разбирая показания свидетелей, смотря фотографии, он вспомнил, что так и не разговаривал сегодня с Лизой, не ответил ни на одно ее сообщение. Внезапная мысль заставила его вскочить со стула, он больно ударился о кухонный стол. А ведь Лиза тоже год назад перевелась в ординатуру в эту новую клинику. И Лиза, и жертва были иногородними, жили в общежитии медвуза, картина постепенно складывалась, Бабочкиков осторожно строил версии, возможно Лиза знала жертву, а может и свидетеля. Лиза училась на хирурга и очень интересовалась патологической анатомией. Она все уши ему прожужжала, что у них там какой-то кружок или группа, которую ведет профессор, что они часто проводят в стенах клиники на кафедре анатомический театр, обычно по ночам, чтобы это не было в ущерб основной работе, тогда и операционные морга всегда свободны, и никто не мешает. Это пугало в Лизе, но Бабочкиков старался не думать об этом, концентрируясь на девушке, хрупкой на вид, небольшого роста, с короткими, стри-

женными под мальчика черными волосами и большими синими глазами на веснушчатом улыбающемся лице.

И тут позвонила Лиза, от неожиданности, он едва не выронил телефон.

– Привет, чего не позвонил? – спросила она, как всегда, разговаривая с ним учительским тоном.

– Не было времени, новое дело дали, заработался, – стал оправдываться Бабочников.

– А что за дело? Убийство, да? – заинтересовано спросила Лиза.

– Да, еще какое. Новости видела? В парке нашли голову?

– Ого! Так ты ведешь это дело?! – восторженно воскликнула Лиза и вдруг замолчала, пауза затянулась, она что-то обдумывала. – Что ж, так даже интереснее.

– Ты о чем? – недоуменно спросил он.

– Да так, ни о чем! – радостно воскликнула она в ответ. – Слушай, я к тебе сейчас приеду, и ты мне все расскажешь!

– Хорошо, как хочешь.

– Ты там приберись, буду скоро. Пока! – скомандовала она и отменила вызов.

Бабочников привел свою однушку в порядок, даже застелил на кровати чистое белье, чем черт не шутит. Помыл посуду и полез в душ, из которого его вырвал требовательный звонок домофона. Лиза приехала на удивление быстро.

– О, ты даже помылся! – расхохоталась она, потрепав по мокрым волосам.

Она по-хозяйски прошла на кухню и бросила на стол вкусно пахнущую пиццу. Вечер был теплый, приятный, от нее пахло ночными цветами и остывающим городом, тонкое белое платье свободно облегалo стройную фигуру, скрывая от любопытного взора крепкие ноги. Полы платья шелестели по ламинату, она ступала босыми ногами, будто бы пританцовывая, примеряясь, какой бы кусок схватить первым.

– Давай пиццу есть, – поманила она его к себе.

Он достал из холодильника начатую бутылку белого вина, и они сели за стол. Лиза жадно вгрызалась крепкими зубами в пиццу, громко хохоча на его удивленные взгляды, выпивая бокал за бокалом. Когда вся пицца была съедена, она встала и, сев к нему на колени, сильно сжала его плечи пальцами, у нее оказались крепкие руки с железной хваткой.

– Ну, рассказывай. Кого убили? У нас вся кафедра гудит, вроде кого-то из наших, да?

– Предположительно, Алину Свиридову. Ты ее знаешь? – он открыл фотографию найденной головы на смотровом столе в морге, глаза Лизы загорелись, она шумно задышала, но не от страха.

– Точно, это же Алинка! – воскликнула Лиза. – А кто, кто убил то? Маньяк, да?

– Похоже на то. Ты ее хорошо знала?

– Так, общались по работе. Она крутила шашни с юристом клиники, может его жена решила отомстить?

– Так, что за юрист, кто жена?

– Юрист-то? Да Эдик, он все к молоденьким пристаёт. А его жена ведущий хирург, Светлана Юрьевна Кузнецова. Нет, она не могла, она не способна на убийство! – горячо воскликнула Лиза, упершись взглядом в отрезанную голову.

– Ну, это следствие определит, кто способен, а кто нет, – рассудительно произнес Бабочников, но Лиза его не слышала, погруженная в созерцание.

– А можешь подробнее рассказать о связи Алины с вашим юристом?

– Что? А, ты про Эдика. Так он ее бросил, он теперь к Ольке Поповой пристаёт, а ей вообще все равно, с кем спать, – отмахнулась Лиза и, бросив планшет на стол, дала ему легкую пощечину. – Все, потом допросишь. Раздень меня!

Она укусила его за губу и слезла, требовательно глядя на него. Он удивился, но, быстро взяв себя в руки, решил действовать, пока она не передумала. Лиза уже топала ногой от нетерпения, он неумело снял с нее платье, под которым не оказалось белья. Она стянула с него футболку и шорты, долго осматривая со всех сторон. Он попытался ее поцеловать, но она отстранилась.

– Я не разрешаю, – строго сказала Лиза.

Он разглядывал ее, красивую, будто бы выточенную из камня, но без приятных округлостей античных статуй. Лиза была накаченная, без грамма жира на теле, с кубиками пресса на животе и небольшой крепкой грудью.

Она осталась довольна осмотром, села на корточки и, без

уговоров или стеснения, стала дразнить его, то делая минет, то бросая, когда он был уже готов взорваться. Сбросив пустую коробку от пиццы на пол, она села на стол, призывно раздвинув ноги.

– Ну, давай же, – недовольно проворчала она, притягивая к себе.

Бабочников задержался на секунду, разглядывая странную татуировку на лобке. Это была то ли гусеница, то ли змея, больше напоминая сфинкса. Мерзкое на вид существо открывало безобразную пасть, тело было рассечено красными и белыми косыми полосами. Лиза впилась в него губами, разрешая себя целовать. Он и не ожидал, что эта недотрога окажется такой страстной. Едва не опрокинув стол на кухне, они хохоча, убежали в комнату. Лиза толкнула его на кровать и победоносно села, он закрыл глаза, не желая видеть эту татуировку, сбивавшую его с нужной волны.

После секса она быстро уснула, отказавшись разговаривать. Он долго смотрел на нее спящую, то прижимавшуюся к нему, что-то шепча во сне, то ложившуюся на спину, тихо посмеиваясь. Он решил, что она просто немного пьяна, и когда Лиза вновь легла на спину, он ушел на кухню и сделал фотографию татуировки. Он включил фонарик и стал разглядывать, татуировка была временная, видимо, какая-то игра. От его осторожных касаний Лиза завелась, не просыпаясь, зовя его по имени, а не по фамилии, как она обычно делала, посмеиваясь. А кто только не смеялся над его фамили-

ей за его недолгие двадцать семь лет. Интересно, Алине тоже было двадцать семь лет, а Лизе уже двадцать девять.

Утром следующего дня Бабочников, взяв с собой опергруппу, нагрянул домой к главному юристу клиники Авдееву Эдуарду Николаевичу. Лиза выдала всех, легко посвятив во все тонкости интриг храма здоровья, кто с кем спит, кто с кем спал, кто на кого зуб имеет и т.д. Она уехала в половине седьмого утра, обещав приехать вечером.

Юрист был дома, его взяли в душе после пробежки. Жены не было, она за десять минут до полиции уехала на работу. Эдуард Николаевич, с еще не проснувшимися мозгами и перенапряженными после бега мышцами, долго не мог понять, что от него хотят, пока во дворе, где стояла его машина, не залилась лаем служебная собака. Кинологи немного опоздали, и овчарка Хилари, названная в честь госсекретаря США за мерзкий характер, набросилась на его «Tiguan», мощными лапами пытаясь продрать крышку багажника.

В машине обнаружили два больших контейнера с уже растаявшим сухим льдом, в которых аккуратно были сложены части человеческого тела, начавшие процесс неизбежного разложения. Юриста скрутили и увезли, он что-то кричал, пытаясь перебить лай собаки, набросившейся на его кроссовки, вымытые до блеска приходящей уборщицей.

Обыск дома ничего особо не дал, обычная жизнь, ничего примечательного. На планшете юриста Бабочников обнару-

жил множество фотографий девушек, он все скопировал себе, чтобы разобраться потом. И все же, пролистав несколько папок, разглядывая голых девушек, охотно позировавших фотографу, он обнаружил фотографии свидетельницы, нашедшей голову Алины Свиридовой. Девушка вульгарно демонстрировала себя, а на гладком лобке была странная татуировка, очень похожая на ту, что была у Лизы. Это была точно гусеница, стоявшая в позе сфинкса, исчерченная красно-белыми полосами по всему телу и рогом на конце, но не такая страшная, как у Лизы. Она наотрез отказалась рассказывать ему, где она сделала эту татуировку и зачем, пообещав, что когда придет время, она ее смоеет, и это будет уже скоро.

Вечером Бабочников поехал в морг, где его ждали. Девушку собрали по частям, разложив на смотровом столе. Так вот можно было сделать из человека пазл, расчленив и разрезав на десятки кусков. Даже неопытному взгляду Бабочникова было понятно, что все срезы были сделаны профессионально хорошим инструментом.

– А где остальное? – поморщился Бабочников, показывая на человеческий пазл, в котором не хватало одной части.

– А вот это вам предстоит узнать, – эксперт похлопал его по плечу. – Я слышал, что вы задержали ее любовника, он, вроде, юрист, верно?

– Верно, главный юрист клиники.

– Так вот, я сомневаюсь, что он мог это сделать. Тем более,

вот посмотрите сами, видите срезы? Вот, а еще на ногах? Видите? Знаете, на что это похоже?

– Признаться, нет, – поморщился Бабочников, его подташнивало.

– А я вам скажу, – эксперт поправил очки и вздохнул. – Раньше, в XIX веке, для врачей часто делали скульптуры, как выглядит человеческое тело в разрезе. Не было хороших атласов, тем более качественных фотографий. Поэтому вырезали из дерева, из камня, лепили модели органов и тому подобное. А здесь из этой бедной девушки вырезали стенд, я видел такие, для гинекологов делали, искусно вырезали из дерева. Часть ног, чресла, таз, но там еще демонстрировалось рождение дитя. Я вам так на пальцах объясняю, но позже пришлю фотографию из музея, она у меня дома в архиве есть.

– Да, мне все понятно, – ответил побледневший Бабочников и отошел от стола к кондиционеру подышать. – Скажите, а зачем сейчас это делать? Вот кому может прийти в голову это... это же зверство какое-то!

– Хуже, мне кажется, что это больше похоже на какую-то псевдонаучную деятельность. Вы, наверное, знаете, что есть художники, если их можно так назвать, которые режут трупы и выставляют срезы в огромных колбах, заполненных формалином.

– Да-да, они еще коров режут. Видел, мерзость.

– Мерзость мерзостью, а спрос есть, – заметил эксперт. –

Я давно живу на этом свете и за свою практику встречал деятелей от медицины, которые любили собирать всякие уродства, вырезали и заспиртовывали, делая у себя в кабинете эдакую кунсткамеру. По-своему больные люди, но они спасли тысячи жизней. Работа деформирует человека, деформирует его личность. Вот лежит эта бедная девушка, уничтоженная, сшить толком нельзя, чтобы матери показать, а я приду домой, спокойно поиграю с внуком, поужинаю, посмотрю пару серий про королеву Англии и лягу спать. И ведь ничего, ничего в сердце не дрогнет, а девушку правда жаль, красивая была, вижу, что была красивой. Вот вы, молодой человек, еще не загубели. Она вам еще сниться будет, помните мое слово.

Поздно вечером пришла Лиза, как и обещала. Она приготовила пасту с морепродуктами и принесла домашнее печенье, которое сама есть отказывалась. Она ела по ночам, привычка, выработанная ночными дежурствами. Во время еды Лиза рассматривала фотографии Алины, комментируя каждый кусок ее тела, как его могли разрезать, каким инструментом, во многом совпадая с предварительным отчетом эксперта, а Бабочкинову кусок в горло не шел. После ужина Лиза растерзала его в постели, искусав губы до крови, и уснула, обхватив его шею рукой, чтобы он не уходил. Бабочкинов долго не мог уснуть, странные видения витали над ним, то морг, то дом юриста, его испуганный взгляд, ужас, исказивший лицо, слабые попытки оправдаться, но за что?

Бабочников и не думал, что он может быть виноват, слаб и жалок – вот вердикт, но полковник, получив подозреваемого, уже отчитался наверх, а в новостях трубили о стремительном следствии.

Он думал, что такую работу с телом могла сделать его жена, сильная, опытная, но у нее было железное алиби, она в день совершения убийства была на операции, всю ночь, отработав в итоге больше суток. Не сходилось, Алину убили за три дня до того, как нашли голову, и как этот горе-юрист вляпался в лужу замороженной крови. Не сходилось, а дело росло, крепло, его ломали в СИЗО, и он уже готов был подписать все, что угодно. Бабочникову не было жаль его, он не особо жалел людей, но Алина терзала его. Наконец, засыпая, он увидел ее, живую, как она была на фотографиях с ее странички на Facebook. Она с тревогой смотрела на него и мотала головой, пытаясь ему что-то сказать. Он подошел к ней и услышал, как сквозь тугий шум, давящий на уши, она просит его, умоляет: «Не верь ей, никому не верь! Бойся, бойся, бойся!».

Он проснулся рано утром, заря только-только зачиналась, и в окно несмело заглядывали тени утренних призраков. Бабочников тихо встал, накрыв Лизу тонким одеялом, всю ночь она мерзла и жалась к нему, сбрасывая с себя одеяло. Лиза завернулась в него и блаженно вздохнула. Какой она была сейчас милой и ранимой на первый взгляд. Любуясь ее

лицом, он сначала ощутил тепло в груди от нахлынувшей любви, а потом мертвенный холод. Он боялся Лизу, боялся ее странных взглядов, фразы, брошенной неизвестно кому: «Ты нам подходишь». Секс был прекрасный, лучший в его жизни. Он поспешно ушел на кухню и сел за компьютер.

Пролистывая фотографии девиц из архива юриста, он быстро устал от однообразия, пока не наткнулся на отдельную папку без названия. В ней были фотографии Алины. Девушка немного стыдливо позировала, прикрываясь одеялом, пряча глаза, смеясь, протягивая руку, чтобы закрыть объектив камеры. Девушка ему нравилась, красивые черты лица, добрый взгляд, но было в нем что-то схожее с Лизой, оценка, а может примерка? Наверное, так смотрят на пациента, оценивают его шансы. Наконец, он нашел то фото, которое ждал. Алина сидела на кровати на пятках, с плотно сдвинутыми ногами, грудь закрывали длинные волосы, она смущенно улыбалась, держа руки на коленях. У нее тоже была татуировка, гусеница не вставала в воинственную позу сфинкса, она лезла по зеленому стеблю вверх, девушка была немного похожа на гусеницу, художнику удалось передать ее улыбку.

– Откуда у тебя эти фотки? – с любопытством спросила Лиза, незаметно подкравшись к нему.

– Нашли у вашего юриста. Там еще много других девок.

– Да, ты не представляешь, какой у нас там шлюшарий. А ведь она его действительно любила, дурочка, конечно, но я ей немного завидую.

– Почему?

– Она смогла полюбить, – Лиза пожала плечами. – Смогла и полюбила. Он обещал ей жениться, а она, дурочка, в это верила.

– А ты никого не любишь? – спросил он, поняв, что его совершенно не волнует, любит ли она его.

– Ты обиделся? – Лиза погладила его по голове и нежно поцеловала, даже слегка не укусив. – Милый, я тебя никогда не забуду.

Прошла уже половина месяца, как Бабочкиков взял это дело, и к нему по ночам стала приходиться Лиза. Чем больше он думал об этом, тем больше боялся ее взглядов, унижительных осмотров, когда он чувствовал себя не то экспонатом, не то стендом. А потом она вдруг пропала, не пришла как-то ночью и перестала отвечать на звонки. Он не особо настаивал, не забрасывал сообщениями, для приличия написав в первые дни разлуки, и все, успокоился. Бабочкиков был даже рад, удивляясь себе, что может устать от девушки, не ломавшейся перед сексом.

Его стало ломать через три дня. Он не сразу это понял, просыпаясь среди ночи от странных кошмаров, в которых всегда была Алина, в этом нагромождении образов и ощущений он видел что-то главное, что постоянно упускал, просыпаясь утром мокрым от пота с дрожащими руками и ногами. Собравшись, он понял, чего ему не хватает – печенья,

того странного коричневого печенья, которым Лиза регулярно снабжала, принося с собой полные бумажные пакеты из-под хлеба. Откуда она его брала, Лиза не говорила, смеясь в ответ, что ему это полезно, и лучше никогда не знать из чего сделана еда. В одно утро он остановил себя, перерывающего кухню в поисках остатков этого сладко-горького печенья, которое не было особо приятным на вкус, сахар служил плохой маскировкой. Найдя остатки в тарелке, обломки и крошки, он с трудом заставил себя не ссыпать все это в рот. Собрав в полиэтиленовый пакет, Бабочников отдал его на экспертизу. Обещали сделать, но через полторы недели, как раз к передаче дела в суд.

Полковник торопил его, настаивая, что дело ясное, надо финишировать, сверху рекомендуют, нужен положительный пример, показать обществу, как может быстро работать следственная машина. Бабочников затягивал, как мог, устраивая частые допросы обвиняемого, которые не приносили ничего, кроме понимания, что этот человек не способен на убийство, слишком слаб. К удивлению Бабочникова, адвокат пел в унисон с его начальством, и единственным, кого волновала, пускай и без особого трепета, судьба юриста клиники, был сам Бабочников. Юрист молчал на допросах, изредка сдавленно шепча, что он все подписал, все рассказал, пугаясь лишнего движения следователя, инстинктивно защищая лицо руками в наручниках. Это была бледная тень от человека, еще недавно уверенного в себе, знающего свои права и законы.

Наконец, пришел полный отчет о жертве, затянулись токсикологические экспертизы, спасибо опытному судмедэксперту, верно угадавшему, унюхавшему, как он говорил, грустно смеясь. Девушку отравили перед смертью, токсин, блокирующий нервные импульсы, даже и не пытались вывести из организма – она была вся пропитана этой дрянью. Из отчета следовало, что ее, скорее всего, травил несколько недель до этого, а яд, искусно полученный предположительно из экстракта ядовитых растений и яда гремучих змей Австралии, сначала вводил человека в нервное состояние до тихой истерики, а при большой дозе должен был парализовать. Ужас был в том, что девушку, накаченную ядом, судя по всему, терзали живьем. Эксперт не знал точно, могла ли она чувствовать боль, но то, что не могла пошевелиться или даже издать ни звука – это было точно. Читая отчет, Бабочкин попытался вспомнить, где он познакомился с Лизой, и не смог. Волна панических атак захлестнула его, он судорожно стал жевать печенье, купленное в магазине, заполняя этим приторно-сладким эрзацем довлеющую над ним ломку.

Он открыл план допросов, все были допрошены без особой пользы. Коллеги Алины по работе говорили одно и то же, как и Лиза, добавляя от себя пикантных подробностей, в общении об Алине отзывались хорошо, аккуратная и неконфликтная. Разговаривая с этими людьми и часто рассматривая фотографии Алины, он постепенно влюбился в бедную девушку, не понимая себя, этой странной любви к мертво-

му человеку, но она была для него живее Лизы, грубой и похотливой, которую он воспринимал скорее как тренажер, и она отвечала ему тем же. Из списка оставалась одна свидетельница, которую ему так и не удалось допросить. Это была куратор и организатор курса по истории медицины и патологической анатомии для избранных. Надежда Петровна Корф, доктор медицинских наук, профессор, никак не давалась ему в руки, пропадая то на занятиях, то улетая на пару дней в Европу на семинары. Все его требования по принудительному вызову ее в управление возвращались обратно к нему на стол с жесткой резолюцией начальства: «Отказать!».

Зазвонил телефон, и дежурный сообщил, что к нему пришла Светлана Юрьевна. Он не вызывал ее, вопросов к жене обвиняемого у него больше не было, она имела железное алиби, подтвержденное живыми свидетелями и бездушной системой видеонаблюдения.

Она вошла в кабинет тихо, но без робости, со спокойной уверенностью. Бледная, с черными кругами под опухшими глазами, она и не скрывала того, что постоянно плакала. Он встал и жестом предложил сесть, обычно он никогда не вставал, только перед начальством. Светлана Юрьевна села и поймала его взгляд, усадив за стол.

– Я знаю, что у вас все готово для суда. Мне сказал об этом адвокат, – она вздохнула, лицо исказилось в презрении. Он кивнул в знак согласия, невольно отобразив свое отношение к адвокату, женщина слабо улыбнулась, кивнув в ответ. – Я

просто хотела сказать, я уже не раз это говорила, что Эдуард не способен на убийство. Он слабый, но не злой, да, трусливый, но не убийца. Нет-нет, он никак не мог. Я недавно вспомнила, как он упал в обморок, когда решил почистить рыбу, такой человек не способен на такое зверство, поверьте мне, я достаточно повидала людей, способных на это. Особенно много их среди моих коллег, но это не значит, что они убийцы.

– Хм, а вы способны?

– Я способна, но не буду этого делать. Поймите правильно, способность резать тело человека, делать операцию, удалять конечности и подобное – нетождественно желанию калечить человека. Это ремесло, твердость психики и крепость руки, если хотите.

– Как вы считаете, это сделал маньяк? Вы же знакомы с материалами, видели фотографии, не так ли?

– Видела, не буду отрицать. Я не могу вам однозначно ответить на этот вопрос. То, что мне удалось увидеть, говорит, скорее, не о работе маньяка, простите, я не знаю, как это по-другому назвать. Так, подобное мог сделать профессионал и он знал, что делал. Это предположение, но, возможно, ваши эксперты уже определили это, так вот, я предполагаю, что жертву, Алину, – она тяжело сглотнула, а на глазах выступили слезы. Это очень его удивило, он не ожидал увидеть в ней сочувствие к судьбе любовницы его мужа. – Ее изучали, как на стенде. Это означает, что поддерживали в ней жизнь,

я уверена, что вы нашли в ее тканях следы препаратов, возможно, нейротоксинов, наркотиков. Вы удивлены? Вы думали, что я буду радоваться смерти Алины?

– Не радоваться, нет, конечно же. Но вы сильно переживаете, почему?

– Я вам расскажу, я бы и раньше рассказала, но меня никто не спрашивал об этом. Мы с Алиной были знакомы. Уже не важно, как это случилось, но я узнала о ней. Мой муж не впервые изменял мне, но это было первый раз, когда я готова была его отпустить к ней, к Алине. Она хорошая, добрая, я не понимаю, как она могла вступить в этот клуб, не понимаю. Она забеременела от Эдуарда, а он обещал, что разведется со мной. У нас с мужем нет детей, не сложилось, а тут ребенок. Честное слово, я уже подала заявление на развод, мы даже сдружились с Алиной, он не знал об этом. Возможно, это странно, но я сама захотела передать его в руки Алины. Я ей доверяла, а она его любила, искренне. Но он ее бросил, поддонок. Испугался ответственности, совал ей деньги, чтобы она сделала аборт. Алина прибегала ко мне в отделение, ловила у операционной. Мы решили, смешно звучит, неправда ли? Так вот мы решили, я и Алина, что она родит ребенка, а я ей помогу. Надежды на родственников нет, они уже прокляли ее, узнав о беременности. Я уже и квартиру подобрала для них: для нее и ребенка. Вот так, можете мне не верить, но это правда.

– У меня нет оснований вам не верить. Скажите, а на ка-

ком она была сроке?

– А вы не знаете? – она сильно удивилась, заплаканные глаза широко раскрылись. – А-а, вы меня проверяете. Срок без малого пять месяцев.

– Хм, понятно. Вы знаете, что у Алины была татуировка?

– Да, на лобке. Она временная, Алина хотела после родов убрать ее.

– Вот как? А что на ней изображено?

– Гусеница бражника, большой ночной бабочки. Вас, наверное, удивляет такой выбор? Обычно рисуют красивых бабочек, цветы или еще что-то, я за свою практику такого несмотрелась, но это неважно, – она задумалась. – Знаете, вот вы спросили, а ведь я об этом и не подумала. Послушайте и решите сами, но мне кажется, что надо искать там. Эти гусеницы не просто так – это такой знак, не особо тайный, вы можете его увидеть даже на странице патологоанатомического клуба профессора Корф. Вы, кстати не говорили с ней? Алина входила в этот клуб. Она училась на отоларинголога-хирурга, Корф сама пригласила ее в клуб.

– Нет, профессор Корф отказывается приходить на допрос, – ответил следователь, пожав плечами.

– Понимаю, у нее высокие покровители, собственно, и это не секрет, клинику построили для ее кафедры. Все члены ее клуба носят подобные татуировки, у каждого – своя. Потом, когда гусеница вырастает, они рисуют бабочку. Мерзкая, довольно бабочка, посмотрите в интернете. У Корф тоже есть

эта татуировка, я ее видела однажды, когда у нас был тимбилдинг в пансионате, а в сауне нет секретов. У нею большой бражник на животе, такие обитают на Мадагаскаре, у них хоботок 20 см, очень мерзкая на вид. Не пытайтесь даже искать в этом какую-либо логику, все гораздо проще. Профессор Корф помешана на этих бабочках, и каждый ее студент, член клуба, должен съездить за экватор и привести ей гусеницу или бабочку в подарок, такой вступительный взнос. У нее весь кабинет в этих бабочках и гусеницах.

– И чем они занимаются в этом клубе? – поморщился Бабочников, отыскав в интернете фотографии бражников. На одной он сразу же узнал гусеницу Лизы, стоявшую в позе сфинкса, раздув голову, отчего она напоминала небольшую змею.

– Исследуют человеческое тело. Если коротко, то основная идея клуба в том, чтобы научить будущих врачей не бояться смерти, понимать, как она наступает и почему. Справедливости ради, я признаю, что все выпускники ее клуба действительно прекрасные хирурги, причем она не готовит кого-то отдельного, нет специализации. Специализацию они изучают на своих кафедрах, а на курсе профессора Корф они изучают человека, сложно объяснить, но это работает.

– Спасибо за информацию, – следователь застучал по клавишам, делая заметки. – Жаль, что я не узнал об этом раньше, особенно, о беременности Алины. Мы же не знаем точно об этом, эксперты нашли следы в крови, точнее сказать

нельзя, не хватает многих фрагментов.

Он сказал об этом вскользь, как бы случайно, внимательно следя за ее реакцией. Светлана Юрьевна в ужасе схватилась за лицо, не то закрывая его, не то пытаясь расцарапать. Сквозь хрип, вырывавшийся из ее груди, он сумел расслышать: «Это они! Это они сделали это с Алиночкой!».

Он встал, налил ей воды из кулера и стоял рядом, пока она пила. Светлана Юрьевна подавляла в себе что-то, трясла головой, будто бы не веря самой себе.

– Вы думаете, что смерть Алины могла быть связана с этим клубом? – спросил он, она слабо кивнула. – Понимаю, у вас нет доказательств. Проверим. Как вы думаете, каким образом могли оказаться останки Алины в машине вашего мужа?

– Это Оля, Попова Оля! – неожиданно резко вскрикнула Светлана Юрьевна. – Как же я раньше не подумала об этом?! Мой муж любил давать покататься своим любовницам, у него были для них запасные комплекты ключей. Я даже как-то находила у него в багажнике их чемоданы и сумки.

– Плохо, что вы раньше об этом не сказали, – хмуро проговорил следователь.

Составив протокол, он отпустил ее, и тут же побежал с этой бумагой к полковнику, сунув ему под нос постановление об обыске квартиры профессора Корф, кафедры и всей клиники. Его обругали, выматерив по полной. Полковник испугался, и Бабочников это увидел. Выходя из кабинета,

ему внезапно позвонила сама профессор Корф, пригласив приехать к ней на кафедру. У нее как раз было окно, и она готова ответить на любые вопросы.

Он выбежал из управления, уже в машине вспомнив, что не взял с собой оружия. Но не будут же они его убивать? Мысль об этом вонзилась ему в мозг, ломка накрыла со страшной силой, и он едва не врезался на всем ходу в припаркованный самосвал, в последний момент успев вырулить на притормозившую полосу, испуганную его маневрами. Было поздно, скоро стемнело, когда он вошел в опустевшую клинику. На охране ему выдали разовый пропуск, пластиковую карточку. Он заметил, что камеры были сняты, охранник лишь развел руками, дескать модернизация, будут новую систему вешать.

Кафедра профессора Корф находилась на минус втором этаже, рядом с моргом. Профессор встретила его у входа в морг и повела по запутанным коридорам к себе. Это была симпатичная женщина, с густыми длинными черными волосами, ласковой снисходительной улыбкой и умными карими глазами. Он знал, что ей было уже далеко за пятьдесят лет, а выглядела она гораздо младше. Легкими прикосновениями, короткими изучающими взглядами, она кокетничала с ним, постепенно располагая к себе.

Она повела его к себе в кабинет, выполненный в дореволюционном стиле, с массивными шкафами, заставленными старыми книгами, тяжелой деревянной мебелью с потемнев-

шим от старости деревом, с лепниной на потолке и громоздкой люстрой. Только пол был современный, гладкий и блестящий, как и на других этажах. Все свободное место на стенах было занято дипломами и рамками с бабочками и гусеницами, под каждой рамкой была табличка с именем.

– Хотите чаю? – предложила она, поставив на стол вазочку с конфетами и печеньем. – А то я не обедала и поужинать забыла. Составите мне компанию?

– Да, спасибо, – Бабочников увидел это печенье, то же, что и приносила Лиза. Рука сама схватила его, и он съел, не заметив, как улыбнулась профессор, следя за ним.

Пока она наливала чай, долго стоя спиной к нему у столика с приборами, он уже успел съесть все печенье, и ему хотелось еще и еще. Она странно улыбалась, ставя перед ним чашку с блюдцем, фарфор был тонкий, красивый. Он бережно взял чашку и стал медленно пить крепкий чай. Голова закружилась, он поднял голову, и люстра поплыла. Собрав силы, он взглянул на профессора. Она стояла напротив и следила за его реакцией. Ее чашка была пуста, она ничего не пила.

– Что вы со мной сделали?! – закричал он, но вместо крика, из его груди вырвался сдавленный шепот.

– Вы же хотели узнать, что произошло с Алиной? Вы все узнаете, я вам даже покажу ее, – она неприятно улыбнулась и достала из стола лист бумаги – это была копия протокола допроса Светланы Юрьевны. – Это ничтожество догада-

лась. Что ж, все равно ей никто не поверит. А Алина была слаба, я в ней ошиблась. Она стала угрозой для нас, точнее сказать, для людей. Поверьте, мы не убийцы. Знали бы вы, сколько жизней спасли выпускники моего курса, тогда бы совсем иначе смотрели бы на все. Не надо так пучить глаза, не пытайтесь кричать, вас все равно никто не услышит. У нас мало времени, а я вам хотела показать Алину.

Она позвонила, и через несколько минут в кабинет вошли трое мужчин. Они посадили Бабочкикова в кресло. Он все видел и слышал, но уже почти не мог шевелиться, с трудом моргая. Один из мужчин, они были немногим старше его, с крепкими жилистыми руками, зафиксировал его веки скотчем.

Замелькали тени, вспышки ламп. Голова кружилась, его стало тошнить, а коридор не кончался. На одном повороте он попытался встать и выпал из кресла, слабо сопротивляясь. Его усадили обратно, и на этом силы его кончились. Он мог лишь наблюдать за тем, что ему показывали, а внутри пылал ужас.

Его ввели в большую комнату со стеллажами, на которых в ярком свете зловеще смотрели на него препараты, человеческие останки, органы, куски тканей, навеки заключенные в прозрачные сосуды, стеклянные аквариумы. Взгляд выхватывал ноги в разрезе, руки, позвоночник с остатками мышечной ткани, мозг человека с толстым жгутом нервных окончаний.

– Поставьте его у Алины, – приказала профессор. Его поставили напротив дальнего стеллажа, придвинули ближе и включили подсветку. Бабочкина затрясло в судороге, он хотел вскочить, еще бился позвоночник, стараясь не то встать, не то оглушить его, упасть на кафельный пол, чтобы успеть разбить голову. В большом цилиндрическом аквариуме, в невесомости был препарат, часть женщины с искусно сделанным сечением на 120 градусов, открывая всю внутреннюю полость и, главное, плод. Он не хотел на это смотреть, и не мог оторвать взгляда, гусеница уже не улыбалась, как на фотографии, она смотрела свирепо, кровожадно. – Красиво, не правда ли? Поверьте, это очень большой труд, и он поможет лучше познать человека, помочь будущим матерям. Вы, наверное, не знаете, но вся медицина, все ее достижения, знания – все это результат чей-то боли, тысяч смертей. Не будь настоящих ученых, изучавших человека живьем, не стесненных рамками морали или гуманности, не было бы и современной медицины. Десятки, пускай даже сотни жизней, не спорю, замученных в страшных муках, дали новую жизнь миллионам людей. Я говорю об этом с полной достоверностью. Вас должно радовать, что ваша жизнь не пройдет даром. Вы и ваше тело дадут жизнь другим, и если есть рай на небе, то вы обязательно туда попадете. Но его нет, разочарую вас.

Она воткнула ему в шею шприц, Бабочкина перестала бить судорога.

– Собирайте всех, а этого помойте и на стол, – приказала она. – У нас мало времени, а надо принять еще шесть экзаменов.

На последних словах он потерял сознание. Очнулся от слепящего света. Он лежал голый на холодном столе. Попытался пошевелиться, но тело не слушалось, зато он чувствовал все, каждое дуновение воздуха из кондиционера. Вокруг него стали собираться люди, периферическим зрением он улавливал их облик, все в синих костюмах, шапочках и масках. К нему подошла невысокая девушка, она улыбалась через маску, и он узнал эти горящие от нетерпения синие глаза.

– Привет! – громко прошептала она. – Не бойся, я быстро все сделаю. А вот остальные, ну, не знаю, они будут долго сдавать. Не переживай, все когда-нибудь заканчивается.

Она пробежалась горячими пальцами по его груди и животу, громко расхохотавшись. Кто-то шикнул на нее, но вскоре операционная задрожала от дружного смеха.

Прошло две недели.

– Муравьев! Иди сюда, куда пошел! – полковник схватил за шиворот следователя и втащил его в кабинет.

– Слушаю вас, господин полковник.

– У тебя сколько открытых дел, а? Двадцать? Я знаю, а когда закрывать будешь? Молчи, не нужны мне твои оправдания. Вот, возьмешь это дело, – полковник хлопнул по столу

тонкой папкой. – Надо этого Бабочникова найти, куда делся, не понятно.

– А его еще не нашли?

– А ты че, самый умный?! – заревел полковник. – Не нашли. Как две недели назад вышел из этой клиники, так и след простыл. Короче, надо найти, живого или мертвого. Начальство сверху требует, понял? Сделаешь, помогу с твоими делами. А еще поищешь эту хирургшу, жену того юриста, что девку на части порубил. Тоже исчезла, все, что ли, в одну яму провалились.

– Понял, – Муравьев взял папку бегло пробежался. – Хм, так его никто не видел в тот вечер.

– Да как это никто не видел? Система пропуск приняла, значит, вышел из здания, – язвительно сказал полковник.

– Это надо проверить, мало ли кто мог пропуск в валидатор кинуть. И с хирургом этим тоже непонятно, машина осталась на парковке клиники, а сама исчезла. Что-то не сходится, надо проверить, куда делась машина Бабочникова.

– Вот и проверь, иди, работай.

– Еще вопрос, а что это за отчет? Тут про какие-то нейротоксины говорится, печенье какое-то.

– Это наш Бабочников дал работы экспертам. Принес какие-то крошки, небось сам наркотой баловался, решил проверить, что за дрянь такая. Давай, разбирайся сам. Этот Бабочников может и наркоман, ходил, как под ломкой. Сам-то не употребляешь?

– Нет, и не пью.

– Вот и не пей, а как найдешь, лично тебе налью. Все, давай, надо найти, – скомандовал полковник, прокричав следователю вдогонку. – И дверь закрой! Что за отдел, одни насекомые!

Муравьев хлопнул массивной дверью кабинета, на которой гордо висела медная табличка: «Червяков Н. Г.».

02 января 2021 г.